

Сергей Гандлевский

Некоторые
стихотворения

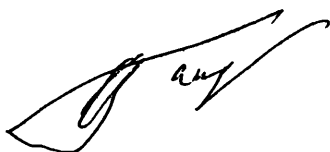
Пушкинский фонд
Санкт-Петербург • ММVIII

М. Р.

Высушите мелочь со гна козенька
Вспетье дн блеска ладана
И, высутив, бросить два-три ледка
В коробку у ног музыкалнн.
И — ждем средь площадей в раскалннх лучах
В какой-нибудь Чехии, Польше...
Работайте сердце, своя волна на водах —
Чего тебе больше!?

2004 г.

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several sweeping, connected strokes.

Сергей Гандлевский

Некоторые стихотворения

новые и избранные

Пушкинский фонд
Санкт-Петербург • ММVIII

Г 19
ББК 84. Р7

Составитель *Г. Ф. Комаров*

**Марка издательства работы
*С. Семенова***

ISBN 978-5-89803-160-2

© С. Гандлевский, 2008

I

Без устали вокруг больницы
Бежит кирпичная стена.
Худая скомканная птица
Кружит под небом дотемна.
За изгородью полотняной
Белья, завесившего двор,
Плутает женский гомон странный,
Струится лёгкий разговор.

Под плеск невянтицы беспечной
В недостопамятные дни
Я ощутил толчок сердечный,
Толчку подземному сродни.
Потом я сделался поэтом,
Проточным голосом — потом,
Сойдясь московским ранним летом
С бесцельным беличьим трудом.

.....

Возьмите всё, но мне оставьте
Спокойный ум, притихший дом,
Фонарный контур на асфальте
Да сизый тополь под окном.
В конце концов, не для того ли
Мы знаем творческую власть,
Чтобы хлебнуть добра и боли —
Отгоревать и не проклясть!

1973

Мы знаем приближение грозы,
Бильярдного раскатистого треска —
Позвякивают вёдра и тазы,
Кликушествует злая занавеска.
В такую ночь в гостинице меня
Оставил сон и вынудил к беседе
С самим собой. Педальями звеня,
Горбун проехал на велосипеде
В окне моём. Я не зажёл огня.
Блажен, кто спит. Я встал к окну спиной.
Блажен, кто спит в разгневанном июле.
Я в сумерки взгляделся — предо мной
Сиделкою душа спала на стуле.
Давно ль, скажи, ты девочкой была?
Давно ль провинциалкой босоногой
Ступни впервые резала осокой,
И плакала, и пела? Но сдала
И сидя спишь в гостинице убогой.
Морщинки. Рта порочные углы.
Тяжёлый сон. Виски в капли пота.
И страшно стало мне в коробке мглы —
Ужели это всё моя работа!
С тех пор боюсь: раскаты вдалеке
Поднимут за полночь настойчиво и сухо —
На стуле спит усталая старуха
С назойливою мухой на щеке.
Я закричу, умру — горбун в окне,
Испуганная занавесь ворвётся.
Душа вздрогнёт, медлительно очнётся,
Забудет всё, отдаст усталость мне
И девочкой к кому-нибудь вернётся.

1976

Опасен майский укус гюрзы.
Пустая фляга бренчит на ремне.
Тяжела слепая поступь грозы.
Электричество шелестит в тишине.
Неделю ждал я товарняка.
Всухомятку хлеба доел ломоть.
Пал бы духом наверняка,
Но попутчика мне послал Господь.
Лет пятнадцать круглое он катил.
Лет пятнадцать плоское он таскал.
С пьяных глаз на этот разъезд угодил —
Так вдвоём и ехали по пескам.

Хорошо так ехать. Да, на беду,
Ночью он ушёл, прихватив мой френч,
В товарняк порожний сел на ходу,
Товарняк отправился на Ургенч.
Этой ночью снилось мне всего
Понемногу: золото в устье ручья,
Простое базарное волшебство —
Слабая дудочка и змея.
Лёг я навзничь. Больше не мог уснуть.
Много всё-таки жизни досталось мне.
«Темирбаев, платформы на пятый путь», —
Прокатилось и замерло в тишине.

1979

Будет всё. Охлаждённая долгим трудом
Устареет досада на бестолочь жизни,
Прожитой впопыхах и взахлёб. Будет дом
Под сосновым холмом на Оке или Жиздре.
Будут клин журавлиный на юг остриём,
Толчая снегопада в движении Броуна,
И окрестная прелесть в сознание моём
Накануне разлуки предстанет утроена.
Будет майская полночь. Осока и плёс.
Ненароком задетая ветка остудит
Лоб жасмином. Забудется вкус чёрных слёз.
Будет всё. Одно *утешенья* не будет,
Оправданья. Наступит минута, когда
Возникает вопрос, что до времени дремлет:
Пробил час уходить насовсем, но куда?
Иностранная музыка волосы треплет.
А вошедшая в обыкновение ложь
Ремесла потягается разве что с астмой
Духотою. Тогда ты без стука войдёшь
В пятистенки ночлега последнего:

«Здравствуй.

Узнаю тебя. Лёгкая воля твоя
Уводила меня, словно длань кукловода,
Из пределов сумятицы здешней в края
Тишины. Но сегодня пора на свободу.
Я любил тебя. Лёгкою волей твоей
На тетрадных листах, озарённых неярко,
Тарабарщина варварской жизни моей
Обрела простоту регулярного парка.
Под отрывистым ливнем лоснится скамья.
В мокрой зелени тополя тенькают птицы.
Что ж ты плачешь, весёлая муза моя,
Длинноногая девочка в грубой рубахе!

Не сжимай моё сердце в горсти и прости
За оскомину долгую дружбы короткой.
Держит раковина океан взаперти,
Но пространству тесна черепная коробка!»

1980

В начале декабря, когда природе снится
Осенний ледоход, кунсткамера зимы,
Мне в голову пришло немного полечиться
В больнице № 3, что около тюрьмы.
Больные всех сортов — нас было девяносто, —
Канканом вещей снов изрядно смущены,
Бродили парами в пижамах не по росту
Овальным двориком Матросской Тишины.

И день-деньской этаж толкался, точно рынок.
Подъём, прогулка, сон, мытьё полов, отбой.
Я помню тихий холл, аквариум без рыбок —
Сор памяти моей не вымести метлой.
Больничный ветеран учил меня, невежду,
Железкой отворять запоры изнутри.
С тех пор я уходил в бега, добыв одежду,
Но возвращался спать в больницу № 3.

Вот повод для стихов с туманной подоплёкой.
О жизни взаперти, шлифующей ключи
От собственной тюрьмы. О жизни, одинокой
Вне собственной тюрьмы... Учитель, не учи.
Бог с этой мудростью, мой призрачный читатель!
Скорбь тайную мою вовеки не сведу
За здорово живёшь под общий знаменатель
Игривый общих мест. Я прыгал на ходу

В трамвай. Шёл мокрый снег. Сограждане качали
Трамвайные права. Вверху на все лады
Невидимый тапёр на дедовском рояле
Озвучивал кино надежды и нужды.

Так что же: звукоряд, который еле слышу,
Традиционный бред поэтов и калек
Или аттракцион — бегут ручные мыши
В игрушечный вагон — и валит серый снег?

Печальный был декабрь. Куда я ни стучался
С предчувствием моим, мне верили с трудом.
Да будет ли конец — роптала кровь. Кончался
Мой бедный карнавал. Пора и в жёлтый дом.
Когда я засыпал, больничная палата
Впускала снегопад, оцепенелый лес,
Вокзал в провинции, окружность циферблата —
Смеркается. Мне ждать, а времени в обрез.

1982

Самосуд неожиданной зрелости,
Это зрелище средней руки
Лишено общепризнанной прелести —
Выйти на берег тихой реки,
Рефлектируя в рифму. Молчание
Речь мою караулит давно.
Бархударов, Крючков и компания,
Разве это нам свыше дано!

Есть обычай у русской поэзии
С отворачиванием бить зеркала
Или прятать кухонное лезвие
В ящик письменного стола.
Дядя в шляпе, испачканной голубем,
Отразился в трофейном трюмо.
Не мори меня творческим голодом,
Так оно получилось само.

Было вроде кораблика, ялика,
Воробья на пустом гамаке.
Это облако? Нет, это яблоко.
Это азбука в женской руке.
Это азбучной нежности навыки,
Скрип уключин по дачным прудам.
Лижет ссадину, просится на руки —
Я тебя никому не отдам!

Стало барщиной, ревностью, мукою,
Расплескался по капле мотив.
Всухомятку мычу и мяукаю,
Пятернями башку обхватив.

Для чего мне досталась в наследие
Чья-то маска с двусмысленным ртом,
Одноактовой жизни трагедия,
Диалог резонёра с шутом?

Для чего, моя музыка зыбкая,
Объясни мне, когда я умру,
Ты сидела с недоброй улыбкою
На одном бесконечном пиру
И морочила сонного отрока,
Скатерть праздничную тербя?
Это яблоко? Нет, это облако.
И пощады не жду от тебя.

1982

А. М.

Что-нибудь о тюрьме и разлуке,
Со слезою и пеной у рта.
Кострома ли, Великие Луки —
Но в застолье в чести Воркута.
Это песни о том, как по справке
Сын седым воротился домой.
Пил у Нинки и плакал у Клавки —
Ах ты, Господи Боже ты мой!

Наша станция как на ладони.
Шепелявит своё водосток.
О разлуке поют на перроне.
Хулиганов везут на восток.
День-деньской колесят по отчизне
Люди, хлеб, стратегический груз.
Что-нибудь о загубленной жизни —
У меня невзыскательный вкус.

Выйди осенью в чистое поле,
Ветром родины лоб остуди.
Жаркой розой глоток алкоголя
Разворачивается в груди.
Кружит ночь из семейства вороньих.
Расстояния свищут в кулак.
Для отечества нет посторонних,
Нет, и всё тут, — и дышится так,

Будто пасмурным утром проснулся,
Загремели, баланду внесли, —
От дурацких надежд отмахнулся,
И в исподнем ведут, а вдали —

Пруд, покрытый гусиной кожей,
Семафор через силу горит,
Сеет дождь, и небритый прохожий
Сам с собой на ходу говорит.

1984

жене

Всё громко тикает. Под спичечные марши
В одежде лечь поверх постельного белья.
Ну-ну, без глупостей. Но чувство страха старше
И долговечнее тебя, душа моя.
На стуле в пепельнице теплится окурок,
И в зимнем сумраке мерцают два ключа.
Вот это смерть и есть, допрыгался, придурок?
Жердь, круговерть и твердь — мученье рифмача...
Нагая женщина тогда встаёт с постели
И через голову просторный балахон
Наденет медленно, и обойдёт без цели
Жилище праздное, где память о плохом
Или совсем плохом. Перед большой разлукой
Обычай требует ненадолго присесть,
Присядет и она, не проронив ни звука.
Отцы, учителя, вот это — ад и есть!
В прозрачной темноте пройдёт до самой двери,
С порога бросит взгляд на жалкую кровать
И пальцем странный сон на пыльном секретере
Запишет, уходя, но слов не разобрать.

1994

Как ангел, проклятый за сдержанность свою,
Как полдень в сентябре — ни холодно, ни жарко,
Таким я делаюсь, на том почти стою,
И радости не рад, и жалости не жалко.
Ещё мерещится заката полоса,
Невыразимая, как и при жизни было,
И двух тургеневских подпасков голоса:
— Да не училище — удилице, мудила! —
Ещё — ах, Боже ты мой — тянет остриё
Вечерний отсвет дня от гамака к сараю;
Вершка недотянул, и ночь берёт своё.
Умру — полюбите, а то я вас не знаю...
Подняться, выпрямиться, вздрогнуть, чтобы что:
Сказать «идите вон, уважьте, осчастливьте»?
Но полон дом гостей, на вешалке пальто.
Гостей полным-полно, и все молчат, как в лифте.
NN без лифчика и с нею сноб-юнец.
Пострел из Зальцбурга и кто-то из Ростова.
И птичка, и жучок, и травка, наконец,
Такая трын-трава — и ничего другого.

1995

Когда я жил на этом свете
И этим воздухом дышал,
И совершал поступки эти,
Другие, нет, не совершал;
Когда помалкивал и вякал,
Мотал и запасался впрок,
Храбрился, зубоскалил, плакал —
И ничего не уберёг;
И вот теперь, когда я умер
И превратился в вещество,
Никто — ни Кьеркегор, ни Бубер —
Не объяснит мне, для чего,
С какой — не растолкуют — стати,
И то сказать, с какой-такой
Я жил и в собственной кровати
Садился вдруг во тьме ночной.

1995

Так любить — что в лицо не узнать,
И проснуться от шума трамвая.
Ты жена мне, сестра или мать,
С кем я шёл вдоль околицы рая?

Слышишь, ходит по кругу гроза —
Так и надо мне, так мне и надо!
Видишь, вновь закрываю глаза,
Увлекаемый в сторону ада.

Заурядны приметы его:
Есть завод, проходная, Кузьминки,
Шум трамвая, но прежде всего —
По утраченной жизни поминки.

За столом причитанья и смех,
И под утро не в жилу старшему
Всех вести на обоссанный снег
И уже добивать по-простому.

Оставайся со мной до конца,
Улыбнись мне глазами сухими,
Обернись, я не помню лица,
Назови своё прежнее имя.

1997

НА СМЕРТЬ И. Б.

Здесь когда-то ты жила, старшекласницей была,
А сравнительно недавно своевольно умерла.
Как, наверное, должна скверно тикать тишина,
Если женщине-красавице жизнь стала не мила.
Уроженец здешних мест, средних лет, таков, как есть,
Ради холода спинного навещаю твой подъезд.
Что ли роз на все возьму, на кладбище отвезу,
Уроню, как это водится, нетрезвую слезу...
Я ль не лез в окно к тебе из ревности, по злобѣ,
По гремучей водосточной, к небу задранной трубе?
Хорошо быть молодым, молодым и пьяным в дым —
Четверть века, четверть века зряшным подвигам моим!
Голосом, разрезом глаз с толку сбит в толпе не раз,
Я всегда обозначался, не ошибся лишь сейчас,
Не ослышался — мертва. Пошла кругом голова.
Не любила меня отроду, но ты была жива.

Кто б на ножки поднялся, в дно головкой уперся,
Поднатужился, чтоб разом смерть была, да вышла вся!
Воскресать так воскресать! Встали в рост отец и мать.
Друг Сопровский оживает, подбивает выпивать.
Мы «андроповки» берѐм, что-то первая колом —
Комом в горле, слущким слогом да частушечным стихом.
Так от радости пьяны, гибелью опалены,
В чёрно-белой кинохронике вертаются с войны.
Нарастает стук колѐс и душа идѣт вразнос.
На вокзале марш играют — слепнет музыка от слѣз.
Вот и ты — одна из них. Мельком видишь нас двоих,
Кратко на фиг посылаешь обожателей своих.
Вижу я сквозь толчею тебя прежнюю, ничью,
Уходящую безмолвно прямо в молодость твою.

Ну, иди себе, иди. Всё плохое позади.
И отныне, надо думать, хорошее впереди.
Как в былые времена, встань у школьного окна.
Имя, девичью фамилию выговорит тишина.

1998

близнецами считал а когда разузнал у соседки
оказался непарный чудак-человек
он сходил по-большому на лестничной клетке
оба раза при мне и в четверг
мой народ отличает шельмец оргалит от фанеры
или взять чтоб не быть голословным того же меня
я в семью возвращался от друга валеры
в хороводе теней три мучительных дня
и уже не поверят мне на слово добрые люди
что когда-то я был каждой малости рад
в тюбетейке со ртом до ушей это я на верблюде
рубль всего а вокруг обольстительный ленинабад
я свой век скоротал как восточную сказку
дромадер алкоголя горячечные миражи
о снимки с меня жено похмельную маску
и бай-бай уложи
пусть я встану чем свет не таким удручающим что ли
как сегодня прилёт
разве нас не учили хорошему в школе
где пизда-марьиванна проводила урок
иванов сколько раз повторять не вертись и не висни
на анищенко сел по-людски
все открыли тетради пишем с красной строки
смысл жизни

1999

всё разом — вещи в коридоре
отъезд и сборы впопыхах
шесть вялых роз и крематорий
и предсказание в стихах
другие сборы путь неблизок
себя в трюмо а у трюмо
засохший яблока огрызок
се одиночество само
или короткою порою
десятилетие назад
она и он как брат с сестрою
друг другу что-то говорят
обоев клетку голубую
и обязательный хрусталь
семейных праздников любую
подробность каждую деталь
включая освещённость комнат
и мебель тумбочку комод
и лыжи за комодом — вспомнит
проснувшийся и вновь заснёт

1999

Фальстафу молодости я сказал «прощай»
И сел в трамвай.

В процессе эволюции, не вдруг
Был шалопай, а стал бирюк.

И тем не менее апрель
С безалкогольной капелью
Мне ударяет в голову, как хмель.

Не водрузить ли несколько скворешен
С похвальной целью?
Не пострелять ли в цель?

Короче говоря, я безутешен.

2000

П. В.

Цыганка ввалится, мотая юбкою,
В вокзал с младенцем на весу.
Художник слова, над четвёртой рюмкою
Сидишь — и ни в одном глазу.

Ещё нагляднее от пошла жгучего
Все-все художества твои.
Бери за образец коллегу Тютчева —
Молчи, короче, и таи.

Косясь на выпивку, частит пророчица,
Но не содержит эта речь
И малой новости, какой захочется
Купе курящее развлечь.

Играет музычка, мигает лампочка,
И ну буфетчица зевать,
Что самое-де время лавочку
Прикрыть и выручку сдавать.

Шуршат по насыпи чужие особи.
Диспетчер зазывает в путь.
А ты сидишь, как Меншиков в Берёзове, —
Иди уже куда-нибудь.

2001

II

Мою старую молодость, старость мою молодую
Для служебного пользования обрисую.
Там чего только нет! — Ничего там особого нет.
Но и то, что в наличии, сходит на нет.
И глаза бы мои не глядели, как время моё
Через силу идёт в коллективное небытие.
Обездолят вконец, раскулачат — и точка.
Что ли впрок попрощаемся, дурочка, Звёздочка, Ночка?
Уступая тебя сукомольцам и прочей шпане,
Напоследок скажу: вспоминай обо мне.
И про чёрный свой день понадёжней припрячь их —
Отражения нежностей наших телячьих
В голом зеркале шкафа, которое снег освещал.

Знать по памяти вдох твоего вожделенья и выдох
И иметь при себе, когда кликнут с вещами на выход,
При условии, что память приравнена к личным вещам.

2003

чтобы липа к платформе вплотную
обязательно чтобы сирень
от которой неделю-другую
ежегодно мозги набекрень
и вселенная всенепрерывно
по дороге с попойки домой
раскрывается тайной мгновенной
над садовой иной головой
хорошо бы для полного счастья
запах масляной краски и пусть
прошумит городское ненастье
и т. д. и т. п. наизусть

грусть какая-то хочется чтобы
смеха ради среди белого дня
дура-молодость встала из гроба
и на свете застала меня
и со мною ещё поиграла
в ту игру что не стоила свеч
и китайская цацка бренчала
бесполезная в сущности вещь

2003

Л. Р.

Выживать мелочь со дна кошелька
Вслепую от блеска заката
И, выудив, бросить два-три медяка
В коробку у ног музыканта.
И — прочь через площадь в закатных лучах
В какой-нибудь Чехии, Польше...
Разбитое сердце, своя голова на плечах —
Чего тебе больше?

2004

Ржавчина и желтизна — очарованье очей.
Облако между крыш само из себя растёт.
Ветер крепчает и гонит листву вашей,
Треплет фонтан и журнал позапрошлых мод.

Синий осенний свет — я в нём знаю толк, как никто.
Песенки спетой куплет, обещанный бес в ребро.
Казалось бы, отдал всё, лишь бы снова ждать у метро
Женщину 23-х лет в длинном чёрном пальто.

2004

Признаки жизни, разные вещи —
примус и клещи.
Шмотки на выброс, старые снимки —
фотоужимки.

Сколько стараний, поздних прозрений,
ранних вставаний!
Дачная рухлядь — вроде искусства,
жизни сохранней.

И воскрешает, вроде искусства,
сущую малость —
всякие мысли, всякие чувства,
прочую жалость.

Вплоть до частушки о волейболе
и валидоле...
Платье на стуле — польское, что ли,
матери, что ли?

2005

Среди прочего, отец научил отыскивать Кассиопею — небесную «дубль-ве».

Среди прочего, незадолго до смерти построил дачу.

Есть что-то непристойное в расхожих рассказах о загробных проделках усопших: о сберкнижке, чудом обнаруженной на сорокадневье вкладчика; о сверхъестественном падении этажерки, знаменующем-де присутствие покойного, — и т. п.

Тьфу!.. Будто поминаются не «возлюбленные тени», а массивики-затейники средней руки.

Вот когда новогодней ночью из дюжины свечей на дачном снегу держались до последнего ровно пять, образовав вышеуказанный астрономический зигзаг...

2005

Драли глотки за свободу слова —
Будто есть чего сказать.
Но сонета 66-го
Не перекричать.

Чертежей моих не троньте —
Нехорош собой, сугол,
Господин из Пиндемонти
Одежонку вешает на стул.

День-деньской он чёрт-те где слонялся
Вечно не у дел.
Спать охота — чтобы дуб склонялся,
Чтобы голос пел.

2005

В коридоре больнички будто крик истерички
В ширину раздаётся, в длину.
И косятся сестрички на шум электрички,
Пациенты теснятся к окну.

От бессонницы воображенье двоится —
То слоняешься по коридорам больницы,
То с тяжёлым баулом бегом
В хвостовой поспеваешь вагон.

Как взаправду, толпятся в проходе старухи,
Как живой, гитарист — трень да брень.
Наизусть сочиняй воровские кликухи
Станций и деревень.

Предугадывай с маниакальной заботой
Новобранца со стрижкой под нуль.
Пусть пройдёт вдоль вагона с жестокой зевотой
Милицейский патруль.

И тогда заговорщицки щёлкнет по горлу
Забулдыга-сосед.
Память-падальщица, ишь ты, крылья простёрла!
Вязкий ужас дорожных бесед.

Отсылающих снова к больничной курилке,
Где точь-в-точь просвещал человек.
Но по логике сна озираешься в ссылке —
То ли Вытегра, то ли Певек.

Так и травишь себя до рассвета,
Норовя, будто клеим шпана,
С содроганием химией, химией этой
Надышаться сполна.

2006

В чёрном теле лирику держал,
Споров о высоком приобщился,
Но на кофе, чтобы не сбежал,
Исподволь косился.
Всё вокруг да около небес —
Райской спевки или вечной ночи.
Отсебятина, короче,
С сахаром и без.

Доходи на медленном огне
Под метафизические враки.
К мраку привыкай и тишине,
Обживайся в тишине и мраке.
Пузыри задумчиво пускай,
Помаленьку собираясь с духом,
Разом перелиться через край —
В лирику, по слухам.

2006

Мне нравится смотреть, как я бреду,
Чужой, сутулый, в прошлом многопьющий,
Когда меня средь рощи на ходу
Бросает в вечный сон грядущий.

Или потом, когда стою один
У края поля, неприкаян,
Окрестностей прохожий господин
И сам себе хозяин.

И сам с собой минут на пять вась-вась
Я медленно разглядываю осень.
Как засран лес, как жизнь не удалась.
Как жалко леса, а её — не очень.

2006

Ю. К.

Где с воробьём Катулл
и с ласточкой Державин...
В. Ходасевич

«О-да-се-вйч?» — переспросил привратник
и, сверившись с компьютером, повёл,
чуть шевеля губами при подсчёте
рядов и мест.

Мы принесли — фиалки не фиалки —
незнамо что в пластмассовом горшке
и тихо водрузили это дело
на типовую серую плиту.

Был зимний вполнакала день.
На взгляд туриста, неправдоподобно-
обыденный: кладбище как кладбище
и улица как улица, в придачу —
бензоколонка.

Вот и хорошо.

Покойся здесь, пусть стороной пройдут
обещанный наукою потоп,
ислама вал и происки отчизны —
охотницы до пышных эксгумаций.

Жил беженец и умер. И теперь
сидит в теньке и мокрыми глазами
следит за выкрутасами кота,
который в силу новых обстоятельств
опасности уже не представляет
для воробьёв и ласточек.

2007

Очкарику наконец
овчарку дарит отец.
На радостях двух слов
связать не может малец.

После дождя в четверг
бредёшь наобум, скорбя.
«Молодой, — кричат, — человек!»
Не рыпайся: не тебя.

Почему они оба — я?
Что общего с мужиком,
кривым от житья-бытья,
у мальчика со щенком?

Где ты был? Куда ты попал?
Так и в книжке Дефо
попугай-трепло лопотал —
только-то и всего.

И по улице-мостовой,
как во сне, подходит трамвай.
Толчея, фонарь на столбе.
«Негодяй, — бубнят, — негодяй!»
Не верти, давай, головой —
это, может быть, не тебе.

2007

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА В ОТРОЧЕСТВЕ

I

Первый снег, как в замедленной съёмке,
На Сокольники падал, пока,
Сквозь очки озирая потёмки,
Возвращался юннат из кружка.

По средам под семейным нажимом
Он к науке питал интерес,
Заодно-де снимая режимом
Переходного возраста стресс.

Двор сиял, как промытое фото.
Веренице халуп и больниц
Сообщилось серьёзное что-то —
Белый верх, так сказать, чёрный низ.

И блистали столетние липы
Невозможной такой красотой.
Здесь теперь обретаются VIP-ы,
А была — слобода слободой.

И юннат был мечтательным малым —
Слава, праздность, любовь и т. п.
Он сказал себе: «Что как тебе
Стать писателем?» Вот он и стал им.

2006

II

Ни сика, ни бура, ни сочинская пуля —
иная, лучшая мне грезилась игра
среди пляжной немочи короткого июля.
Эй, Клязьма, оглянись, поворотись, Пахра!

Исчадьё трепетное пекла пубертата
ничком на толпами истоптанной траве
уже навряд ли я, кто здесь лежал когда-то
с либидо и обидой в голове.

Твердил внеклассное, не заданное на дом,
мечтал и поутру, и отходя ко сну
вертеть туда-сюда — то передом, то задом
одну красавицу, красавицу одну.

Вот, думал, вырасту, заделаюсь поэтом —
мерзавцем форменным в цилиндре и плаще,
вздохну о кисло-сладком лете этом,
хлебну того-сего — и вообще.

Потом дрались в кустах, ещё пускали змея,
и реки детские катились на авось.
Но, знать, меж дачных баб, урча, слонялась фея —
ты не поверишь: всё сбылось.

СОДЕРЖАНИЕ

I	
«Без устали вокруг больницы...»	7
«Мы знаем приближение грозы...»	8
«Опасен майский укус гюрзы...»	9
«Будет всё. Охлаждённая долгим трудом...»	10
«В начале декабря, когда природе снится...»	12
«Самосуд неожиданной зрелости...»	14
«Что-нибудь о тюрьме и разлуке...»	16
«Всё громко тикает. Под спичечные марши...»	18
«Как ангел, проклятый за сдержанность свою...»	19
«Когда я жил на этом свете...»	20
«Так любить — что в лицо не узнать...»	21
На смерть И. Б.	22
«близнецами считал а когда разузнал у соседки...»	24
«всё разом — вещи в коридоре...»	25
«Фальстафу молодости я сказал “прощай”...»	26
«Цыганка ввалится, мотая юбкою...»	27
II	
«Мою старую молодость, старость мою молодую...»	31
«чтобы липа к платформе вплотную...»	32
«Выуживать мелочь со дна кошелька...»	33
«Ржавчина и желтизна — очарованье очей...»	34
«Признаки жизни, разные вещи...»	35
W	36
«Драли глотки за свободу слова...»	37
«В коридоре больнички будто крик истерички...»	38
«В чёрном теле лирику держал...»	39
«Мне нравится смотреть, как я бреду...»	40
«“О-да-се-вйч?” — переспросил привратник...»	41
«Очкарику наконец...»	42
Портрет художника в отрочестве	43

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина. Ларец и ключ**
- С. Кекова. Короткие письма**
- В. Салимон. Невеселое солнце**
- И. Лиснянская. После всего**
- Ю. Кублановский. Памяти Петрограда**
- И. Бродский. В окрестностях Атлантиды**
- Н. Кононов. Лепет**
- А. Пурич. Евразия и другие стихотворения**
- Е. Шварц. Песня птицы на дне морском**
- С. Гандлевский. Праздник**
- В. Гандельсман. Там на Неве дом...**
- В. Дроздов. Стихотворения**
- Л. Лосев. Новые сведения о Карле и Кларе**
- А. Цветков. Стихотворения**
- Д. Новиков. Караоке**
- И. Жданов. Фоторобот запретного мира**
- Т. Кибилов. Парафразис**
- Е. Шварц. Западно-восточный ветер**
- Б. Ахмадулина. Созерцание стеклянного шарика**
- В. Салимон. Красная Москва**
- В. Зельченко. Войско**
- Б. Кенжеев. Сочинитель звезд**
- А. Битов. В четверг после дождя**
- Л. Лосев. Послесловие**
- И. Лиснянская. Ветер покоя**
- В. Гандельсман. Долгота дня**
- Е. Шварц. Соло на раскаленной трубе**
- Т. Кибилов. Интимная лирика**
- В. Павлова. Второй язык**
- В. Кривулин. Купание в иордани**
- М. Ерёмин. Стихотворения**
- Б. Ахмадулина. Возле ёлки**
- Д. Новиков. Самопал**
- Т. Кибилов. Нотации**
- В. Соснора. Куда пошел? И где окно?**
- С. Гандлевский. Конспект**

Б. Рыжий. И всё такое...
П. Барскова. Эвридей и Орфика
И. Лиснянская. Музыка и берег
Л. Лосев. Sisyphus redux
В. Дроздов. Обратная перспектива
Т. Кибиров. Amour, exil...
В. Соснора. Флейта и прозаизмы
В. Гандельсман. Тихое пальто
В. Павлова. Линия отрыва
В. Коваль. Участок с Полифемом
Е. Шварц. Дикопись последнего времени
Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке
А. Поляков. Орфографический минимум
Б. Рыжий. На холодном ветру
В. Соснора. Двери закрываются
С. Кекова. На семи холмах
П. Барскова. Арии
М. Степанова. Тут — свет
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 2
С. Стратановский. Рядом с Чечней
А. Кушнер. Кустарник
Е. Тиновская. Красавица и птица
Т. Кибиров. Шалтай-болтай
В. Гандельсман. Новые рифмы
О. Чухонцев. Фифиа
Л. Лосев. Как я сказал
Е. Шварц. Трость скорописца
Д. Шереметьев. Улика
В. Гандельсман. Школьный вальс
С. Стратановский. На реке непрозрачной
М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 3
А. Цветков. Шекспир отдыхает
В. Волченко. Без охраны
Д. Воденников. Черновик
Е. Шварц. Вино седьмого года
Л. Элтанг. о чем пировать
С. Гандлевский. Некоторые стихотворения

Г 19

Гандлевский С.

Некоторые стихотворения: новые и избранные. —
СПб.: «Пушкинский фонд», 2008. — 48 с.

ISBN 978-5-89803-160-2

ББК 84. Р7

Гандлевский Сергей Маркович

Некоторые стихотворения

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2008

Редактор Г. Ф. Комаров

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Заказ № 239. Тираж 500

Отпечатано в типографии ООО «ИПК “Бионт”»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43

Пушкинский фонд